

Нея ЗОРКАЯ: КОЧКИ ДА ПРИГОРКИ... НО ПОЗАДИ-ТО - ЭЛЬБРУС!

Московская среда - 2006 -
25 - 31 янв. - с. 19

Нея Марковна ЗОРКАЯ - один из авторитетных отечественных киноведа и кино-критиков, заслуженный деятель искусств, профессор. Вышедшая в 1966-м ее книга «Портреты» опубликована не только в Советском Союзе, но и в Болгарии, Венгрии. Исследование «Советское кино сегодня» в 1988 году издано в Индии, вышедшая в США книга «Иллюстрированная история советского кино» в 1994-м переиздана в Японии массовым тиражом. Профессор Зоркая преподает на Высших режиссерских курсах, в Российском государственном гуманитарном университете. Недавно вышла новая книга Ней Зоркой - «История советского кино», считающаяся наиболее полной энциклопедией отечественного киноискусства с начала XX века до середины восьмидесятых.

на закрытых просмотрах для идеологов и профессионалов, но и в прокате. Конечно, специалисты видели больше, на сеансах на Малой Дмитровке, где сейчас Ленком, а еще в Доме кино... Но в 59-м прошел I Московский кинофестиваль! Сколько на нем было прекрасных фильмов, и сколько зрителей их увидели!

- Михаил Ульянов говорил, что вы помогали киноведам, когда им было плохо. В какой-то момент вас за это даже исключили из партии. Расскажите, пожалуйста, как все было. Для начала: кому вы помогли?

- Естественно, помогала не одна я. Люди достойные помогали нашим творцам, когда чиновники препятствовали им нормально работать. Многие критики выступали в защиту «Андрея Рублева», когда режиссеру Андрею Тарковскому ставили палки в колеса. Я написала тогда большую статью в защиту фильма. Мои единомышленники оказались на плохом счету у начальства, но из партии исключили меня. Потому что еще подписала и коллективное письмо в защиту писателей Синявского и Даниэля, изданное в самиздате письмо 53 членов Союза писателей. В первых строках были Эренбург, Каверин, а в нижних строчках фамилии молодых критиков, где значилась и я. Поначалу нас, подписантов, прорабатывали на партсобраниях. Пожалуй, снисходительно. Но я ведь подписала и второе письмо, уже в защиту Гинзбурга и Галанцова, которые опубликовали за границей «Белую книгу» о процессе Синявского и Даниэля. Тогда-то меня и исключили из партии. Вот в этом самом помещении Института искусствознания, в котором мы сейчас с вами разговариваем.

- Это в те времена означало конец карьеры, увольнение с работы. Как вы справились со столь грустной ситуацией?

- Я вступала в партию в День Победы, потому что мой отец погиб в ополчении, защищая Москву, вступила, искренне желая этого. А потом, когда увидела, как за несогласие с генеральной линией партии людей увольняли с работы, мое отношение к КПСС изменилось...

Так вот, после моего исключения из партии у меня отчаяния не было. Времена-то уже постсталинские! Поднялся шум на Западе: мол, в Советском Союзе преследуют за убеждения. А обо мне во Франции писали как о молодом киноведе, который с любовью пишет о французском кинематографе. К тому же в верхах тогда вышел указ, по которому после увольнения сотрудника должны были трудоустроить на тот же оклад. Директором Института искусствознания тогда

работал Владимир Кружков - ученый, который прославился тем, что вошел в комиссию, издававшую биографию Сталина. Сейчас вспоминать об этом очень смешно. Долдон был полный, ну полный, хотя и не злой человек. Он сказал: «Нея, я вас как ученого ценю, а как человека не уважаю. Вы должны письменно признать, что вас уволили за грубую политическую ошибку». Я не признала. В результате меня не уволили, но понизили в должности. За грубую политическую ошибку. Меня поддержала подруга, замечательный критик Людмила Белова, кавалер ордена Красного Знамени, фронтовичка, которая всю войну прошла, участвовала в штурме Берлина. Ну так чего бояться мне? На самом деле я боялась, что меня могут вышибить из Москвы. Да что там говорить, боялась даже участкового милиционера. Но когда меня не уволили с государственной службы, я успокоилась. Да, меня отстранили от писания истории советского кино, но я стала писать диссертации для тех, кому это было не под силу. Дело житейское. Многие коллеги говорили: «Нейка, ты на негритянской работе не пропадешь». Самое смешное, что недавно, когда с того дня, в который меня выгнали из партии, прошло 17 лет, моя дочь об этом вспомнила и сказала: «Мам, мне тут хорошее вино прислали из Парижа. Давай выпьем».

- Вы как-то говорили, что не надо идеализировать хрущевскую оттепель, потому что и тогда были гонения на свободную мысль. Еще говорили о власти партии в искусстве и о власти бизнеса, от которой искусство стонет в наши дни. Так вот сейчас, когда прошло время разоблачений прошлого засилья партии, многие творцы ностальгически вздыхают о тех временах. Так какая же цензура хуже?

- Трудный вопрос. Но мне еще в советские времена многие режиссеры во Франции говорили: «Вы не знаете, что такое продюсер». Да, жизнь за «железным занавесом» я вспоминаю как ужас. Да, теперь нет категории людей, которых называли стукачами. Мы не испытываем того страха перед участковым милиционером, который испытывали прежде. Нынешние чиновники не дают на творцов. Что же касается спонсоров, они сейчас совсем не такие, какими были их предшественники, меценаты Серебряного века, радеющие за великую русскую культуру - Третьяковы, Морозовы...

- Так то были Третьяковы, Морозовы. А сегодня!

- Вот-вот! Меня как-то поразил элитный французский режиссер, красавец, признанный гений французского кино. Он пришел

на прием с какой-то кричащей одетой теткой. Он был с ней очень почитлен. Ведь она была его продюсером. А сколько у нас нынче продюсеров-идиотов! Они, как правило, об искусстве не думают. Но в советские времена были чиновники, которые искренне старались содействовать людям искусства. Они втихаря мучились в общении с высшим начальством, чтобы продвинуть сценарий, запустить в производство фильм. Да, творцы их по-разному обманывали, но поэтому и эзопов язык в искусстве процветал, и неплохие произведения создавались - тонкие и глубокие, понятные зрителю.

- Что еще характерно для советского кинематографа?

- Прежде всего - это великий кинематограф. Настоящее, высокое искусство. А сейчас мы склонны плевать в этот чистый колодец. Рубить сук, на котором сидим. Я в Америке уже лет восемь регулярно провожу ретроспективы нашего кино. Так вот, и там признают: советское кино - Эльбрус, высочайшая вершина в искусстве. Те наши фильмы, в том числе комедийные - не развлекаловка, советские фильмы рассчитаны на интеллигентного зрителя и служат духовным потребностям человека. Да, было много картин средних, но гораздо больше замечательных произведений искусства. Они сейчас смотрятся по-другому, читаются и чувствуются по-другому, но с великим интересом - я бы сказала, постигаются гораздо глубже, чем в то время, когда были созданы. А значит, это не однородности. Это фильмы, обретающие новую жизнь в восприятии новых поколений. Становятся классикой. Я ведь преподаю историю советского кино, все время кручусь среди новых и новых подросших юношей и девушек, знаю, как они воспринимают советское кино. И потом советское кино - это прекрасная школа для новых поколений творцов. Наш кинематограф всегда был человечным. Многие произведения советского кино выше иных оscarовских лауреатов. Недавно Марлен Мартынович Хуциев сказал: «Снова посмотрел «Служили два товарища». Какой прекрасный, глубокий фильм, какие актерские работы!» Почему-то эта картина ни на каких фестивалях не получила призов. Если сейчас смотреть фильмы про деревенского детектива Анискина, ясно, что они очень талантливы. А ведь как к ним придирались!

- Да кто же придирался, Ней Марковна?

- Всякое сноебье!.. Я уж не говорю о Леониде Гайдае. Его комедии наша критика просто профукала. Советское кино - очень

сильное кино. Жаль тех, кто этого пока что не понимает.

- Современное российское кино унаследовало его традиции?

- Да, конечно. И развивает, то есть преемственность ощущается, но проявить ее порой чудовищно трудно. Много обстоятельств этому мешает.

- Говорят, что оно сейчас на подъеме...

- Да как сказать. Очень много провалов. Но одно дело, когда создается 50 фильмов, другое - когда 25. Чем больше, тем лучше. К горной вершине ведут сначала кочки, потом пригорки, затем предгорья, обойти их трудно. Главное, что есть кинематографисты, которые понимают, что такое хорошие фильмы, и хотят их снимать.

- Говорят, что когда-то кино оглушало народ, потом стало утешителем, развлекаетелем, потом стало искусством сопротивления и противодействия. Чего в нынешнем кино больше?

- Да как всегда, в нем есть все. В советские времена шедевр Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд» проваливался в прокате, а «Свадьба в Малиновке» шла на ура. Так и сейчас. Хотя нет - сейчас хуже. Сейчас реклама зрителя гипнотизирует. «Ночной дозор» преподносится публике как шедевр. Но это даже и не шлагер. А сколько таких, с позволения сказать, раскрученных призраны владеть умами? Нынче лучшие наши фильмы напрямую не сопротивляются, не противодействуют, просто вызывают к сердцу порядочного человека.

Все очень недовольны решениями жюри Московского кинофестиваля прошлого года. Но какие там игры? Да, президент кинофестиваля Никита Михалков осуществляет свою политику. Но в прошлом году председатель жюри американец Алан Паркер проводил политику свою. Три приза из пяти пробил своим фаворитам. Но все разговоры об интригах, об оплате мнений неправомерны - это досужие суждения обывателей. Никто не был куплен. Просто авторитетные киноматографисты убедили своих коллег. Я точно знаю, что председателя жюри последнего Московского кинофестиваля Валентина Черных не купили. Он человек с очень твердым характером.

- Вы знаете столько зазанных сюжетов, сплетен. Можете рассказать, что один режиссер украл права на фильм у другого, а Тенгиз Абуладзе свое знаменитое «Покаяние» вообще снимал тайком.

- Сплетни - это прекрасно. Они интересны зрителю, читателю. В сплетнях таится много. Я, разумеется, не говорю о сплетнях грязных. Я - о тех, что составляют историю кинематографа. Сплетнями можно считать за кадром мир кино. Надо влезать в Интернет, но осторожно: там много вранья. Действительно интересные, высокие сплетни рождаются не из подглядывания в замочную скважину, а из присутствия неравнодушного человека на съемочной площадке. Потом и с талантливыми людьми легче будет общаться.

- Смешной вопрос: вы согласны, что не стоит пить коньяк с художником. Но суперзвезды признаются, что любят с Неей Марковной выпить. Ну и как вам в такой ситуации?

- Я всю свою долгую жизнь живу в Москве, кручусь в сложном мире, может быть, для меня стали главными именно дружеские отношения со знаменитыми кинематографистами, а не взаимоотношения критика и критикуемого. Когда Демидов дарят прекрасное французское вино, она меня приглашает его распить. И ей неважно, что я о ней пишу.

- Что вы скажете о нынешней кинокритике?

- Конечно, я ею абсолютно не удовлетворена. Вот киноведение у нас более благополучно. Выходят серьезные книги серьезных исследователей, интереснейшие киноведческие записки, солидные публикации в толстых журналах. Но оперативная кино-критика в газетах, на телевидении находится на очень низком уровне. Сейчас говорят о продажности критиков, которые, мол, строят карьеру не на подхалимаже перед чиновниками, а на торговле своими оценками. Это не так. Странные суждения критиков, порой вызывающие у зрителей недоумение, - не от продажности, а от апломба. Апломб, как правило, сопутствует невежеству. Например, молодой коллега говорит: «Как известно, Гоголь умер в Италии». Комментари излишни. Или недавно с телеэкрана прозвучало: «В отличие от Канн, где нас недолюбливают, в Венеции нас любят». Откуда, коллеги, вы взяли, что в Каннах нас недолюбливают? Да ниоткуда, просто стиль нынче в критике такой: трепотня. Я преподаю в высших учебных заведениях. Студенты очень талантливы, на занятиях за 40 минут могут написать великолепное эссе. Если бы они вошли в профессию и сохранили свежесть своих суждений!

Беседу вел
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ